

УДК 141:82(47)
ББК 87.3(2)522-685:83.3(2=411.2)52

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru

**П.С. Соловьёва.
Несколько слов о моем брате Вл. Соловьёве.
Было прочтено в собрании Религиозно-философского
Общества в Петербурге 19-го января 1913 года**

Публикация и примечания Н.Ю. Грякаловой

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

**P.S. Solovyova.
A few words about my brother Vladimir Solovyov.
It was read at the meeting of the Religious-Philosophical Society
in St. Petersburg on January 19, 1913**

Publication and notes by N.Y. Gryakalova

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.057-063

Спор Мережковского и Струве на последнем заседании¹ произвел на меня тягостное впечатление. Я так ясно помню заседание в память Толстого два

¹ Речь идет о закрытом собрании РФО 20 декабря 1912 г., где был заслушан доклад Д.В. Философова «О принципе единства в Церкви», вызвавший полемику между Д.С. Мережковским и П.Б. Струве о соотношении православия и исторических форм государственного устройства, т.е. аспектов церковных и политических. Основной пункт разногласий Мережковский определил так: «Православие для Струве не столько религиозная, сколько культурная и политическая ценность – предпосылка “Великой России”. Он понимает, что без внешнего церковного общения не обойтись государству; но для него самого, как для идеалиста чистейшей воды, церковь – явление того “бого-материализма” (выражение Вл. Соловьёва), который кажется ему кошунственным. ...От религиозного идеализма к религиозному реализму у Струве нет путей» (см.: Мережковский Д.С. Два отречения // Русское слово. 1912. 20 дек. № 293 [1]). См. также: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 134–135, также с. 129–130 (материалы, относящиеся к заседанию 12 ноября) [2].

года тому назад². Тогда Струве говорил удивительно хорошо, и было ясно, что это человек, способный на глубокое религиозное чувство. В тот вечер, наверное, Мережковский был родным братом Струве. На последнем заседании они говорили на разных языках, точно два брата попали на Вавилонское столпотворение.

Мне кажется, что Мережковский верно нашел причину этого взаимного непонимания, сказав, что в православии и самодержавии есть огромный соблазн, соблазн влюбленности, через который надо пройти, чтобы понимать и чувствовать неразрывность этих двух явлений³.

Струве через соблазн не прошел, не чувствует, как затянут роковой узел православия и самодержавия и с легкостью равнодушия говорит о том, что узел можно развязать. А его можно только разрубить.

Еще Струве говорит, что нельзя смешивать, соединять два явления, из которых одно временное, а другое вечное⁴.

Но он жестоко ошибается: православие явление вековое, а не вечное. Как все, созданное людьми, хотя и по образу Божию, оно изменяющееся, переходящее и проходящее. Как все, что отъединяет, обособляет, – оно вечным быть не может.

В самом зарождении своем на Руси оно слилось, срослось воедино с самодержавием. Если даже отбросить легенду о принятии нового вероисповедания от греков князем Владимиром, то все-таки остается неоспоримым, что православие утверждалось не столько волей народной, вечем, сколько волей самодержавных князей с дружиной⁵. Ясно, что для русских князей мало было соблазна в принятии католичества, где их неограниченная власть сразу могла бы прийти в столкновение с властью папы. Христос не небе, папа, Его наместник,

² Имеется в виду закрытое заседание РФО 16 ноября 1910 г. «Памяти Льва Толстого». П.Б. Струве выступил с докладом «Жизнь и смерть Льва Толстого» (вместе с докладами З.Н. Гиппиус «Слово Толстого» и С.Л. Франка «Памяти Льва Толстого» опубли.: Русская мысль. 1910. Кн. 12), выступление Д.С. Мережковского напечатано в газете «Речь» (1910. 20 нояб. № 319). См.: Ермичев А.А. Указ. соч. С. 105–107.

³ Д.С. Мережковский в книге «Не мир, но меч» неоднократно проводит мысль о «религиозном соблазне», «который заключен для народа в идее самодержавия, именно в кровной связи самодержавия с православием» (см.: Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. С. 81 и др. [3]). Почти вся первая половина доклада П.С. Соловьевой является парафразом отдельных положений книги.

⁴ П.Б. Струве отвергал мысль сторонников «нового религиозного сознания» о внутренней, мистической связи православия и самодержавия и отстаивал ценность православия как основы русской национальной культуры и в этом смысле явления «вечного», не зависящего от «переходящих» форм государственной власти. Об эволюции его идейно-политических взглядов см.: Колеров М.А. П.Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник: 2012–2014 / под ред. М.А. Колерова. М.: Издатель Модест Колеров, 2015. С. 191–375 [4].

⁵ Об этом подробно повествуется в труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (т. 1, гл. 7).

на земле. И папа может отлучить от церкви светского владыку, может наложить на него эпитимью <так в тексте> за грех или ослушание.

Нет, Бог на небе, – князь на земле, а позднее царь, самодержавный властитель церкви, народа, всей земли⁶.

Царь и церковь, церковь и царь – всегда это шло вместе, сливалось воедино.

Царь – помазанник Божий, существующий по воле Бога. Бог наставляет его на всех путях его, а потому воля царя – от Бога. Слушаться царя – слушаться Бога. Красота жизни, праздник жизни, блеск, подъем духа, умиление, влюбленность, восторг, сладостные слезы – все это в церкви и все это в царе. Соединение небесного с земным, которого сознательно или бессознательно жаждет каждая человеческая душа, – тут осуществлялось. Православный царь, царь-батюшка, как Христос – Царь небесный, Небесный Отец.

Церковь для народа всегда была прикрыта золотой царской ризой, а царь – всегда прикрыт благословением церкви. Поэтому, если царь совершал ужасные дела, – народ и церковь безмолствовали. А если и начинал говорить народ, хотя бы в лице своих юродивых, то церковь никогда не смела громко повторить самодержавному земному царю вечные слова Царя Небесного.

Было одно роковое, всевластное слово, которое парализовало всякое движение разума и сердца церкви и народа. Это слово – помазанник Божий. В этом слове ключ к истории православия, к истории самодержавия, ко всей русской истории.

Чтобы это слово утратило свою магическую силу, надо было, с одной стороны, довести самодержавие до крайней точки, дальше которой идти некуда, а, с другой стороны, парализовать православие в той его огромной области, которой оно примыкает и неразрывно связано с самодержавием.

Это дело совершил Петр Великий.

Когда он учредил синод, отдал чиновникам дела церкви, – народ назвал его антихристом, а церковь покорилась.

Ослепленный негодованием, народ не рассмотрел великой любви Петра к России, не понял, что, умеющий так любить, антихристом быть не может. Народ не понял правды Петра. Петр не понял правды народа. Самодержавие впервые оскорбило самую заветную мечту народа, его жажду слияния небесного с земным.

До Петра отношение русских царей к церкви было благоговейное. «Я сильнее, но ты выше», – вот что чувствовалось в поведении царей. Еще отец Петра, Алексей Михайлович во время «шествия на осляти» вел под уздцы осла, на котором сидел патриарх, олицетворяя собою Христа⁷. Петр одним ударом дубинки

⁶ Здесь и далее – пересказ ряда положений книги Д.С. Мережковского «Не мир, но меч» (см. примеч. 3).

⁷ Чин «шествия на осляти» совершался, начиная с середины XVI в., в православных церквях в праздник Вербного воскресенья и символизировал вход Господень в Иерусалим. Царь вел за

разрушил вдребезги всю церковную символику. Живое и горячее заключил в проволочную сетку холодной официальности <так в тексте>. На церковь он смотрел, как на одно из не самых важных явлений жизни государства. Оковал все государство железом самодержавия, а кстати скрепил им и церковь. Самодержавие процвело, а православие захирело. От удара дубинки его разбил паралич. И в этом параличе его оставляли более двух веков. А известно, что если не применять своевременно энергичного лечения, то паралич ведет к смерти.

Но и процветание самодержавия было временно и непрочное. Слово «антихрист», произнесенное оскорбленным народом, не могло не пошатнуть всевластного слова: «помазанник Божий». А кроме того, самодержавие достигло такого развития, что дальше и двигаться некуда. А без движения – нет жизни.

Оба явления вековые, но не вечные, разрушатся вместе и падут в один и тот же день. Останется вековой ствол живого дерева народной веры, нужный для нового строительства. То, что в православии есть чисто-христианского, пребудет вовеки и вольтется, как одна из многочисленных рек, в далекий, грядущий океан вселенской церкви.

Вселенская церковь была всегдашней мечтой моего брата, Владимира Соловьева⁸. Этой мечтой объясняю я себе его временный переход в католичество⁹. Умер он православным¹⁰.

Меня часто спрашивали, действительно ли мой брат переходил в католичество. До сих пор я отвечала: «Нет, не переходил». Теперь я знаю, что это было. Отрицала я этот факт потому, что брат никогда ни слова о нем не сказал ни мне, и никому из нашей семьи. Это, во-первых, а во-вторых, я сама прошла через соблазн православия, родилась и воспитывалась в нем, и мне страшно было даже подумать о переходе в другое вероисповедание. Теперь мне не страшно

узду осла, на котором сидел Патриарх, что означало смирение Царя земного перед Царем небесным. Вышел из обрядовой практики в связи с упразднением патриаршества Петром I и созданием Синода.

⁸ Основополагающие труды В.С. Соловьева по вопросу соединения церквей относятся к середине и второй половине 1880-х гг., к так называемому теократическому периоду: цикл статей «Великий спор и христианская политика» (1883–1885), работы «Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церквей» (1886 г.), «История и будущность теократии» (1887 г.), «Россия и Вселенская Церковь» (опубл. в 1889 г. на франц. яз.; в переводе на рус. яз. в 1911 г.).

⁹ Известен факт причащения В.С. Соловьева 18 февраля 1896 г. во второе воскресенье Великого поста в домовую церковь Лурдской Божией Матери в Москве у католика-униата о. Николая Толстого. По свидетельству присутствовавших при обряде Д. Невского и кн. Е. Долгоруковой, «В.С. перед обедней прочитал Тридентский символ веры – с *Filioque*. К символу добавил еще и личное исповедание веры...» (см.: Василенко Л. Вл. Соловьев: православный или католик? // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 139 [5]), однако более в католических таинствах не участвовал.

¹⁰ Перед смертью 18 июля 1900 г. В.С. Соловьев причастился Св. Тайн у о. Сергия Беляева в присутствии С.Н. и П.В. Трубецких (см.: Трубецкой С.Н. Смерть Соловьева. 31 июля 1900 г. // Вестник Европы. 1900. Т. V. Сентябрь. С. 412–420 [6], а также письмо свящ. Н. Колосова к издателю «Московских ведомостей»: Об исповедании В.С. Соловьева // Письма В.С. Соловьева Т. III / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1911. С. 215–217. (Собр. соч. В.С. Соловьева. Письма и Приложение. Фототипич. изд. Bruxelles: Изд. «Жизнь с Богом», 1970 [7]).

больше: я понимаю, почему брат это сделал. Главной, всепоглощающей мечтой его жизни была – вселенская церковь. Он делал все возможное и готов был сделать казавшееся для других невозможным, чтобы хотя отчасти осуществить свою мечту, чтобы хотя немного приблизиться к ней. Это была страсть, огненная жажда, которая его сжигала.

Чем светлее была мечта, тем чернее вокруг. Жизнь зло смеялась над мечтою, и в этом злом смехе брат мой ясно ощущал присутствие дьявола. Верил в его реальное существование, видел его, слышал. И поэтому бывал иногда так мрачен, в те дни и часы, когда дьявольская тень заслоняла свет мечты. И поэтому во всем его существе, рядом с детским и радостным, было что-то бесконечно жуткое.

Видел дьявола и старался уйти от него, взобраться повыше, в горы. С вершины смотрел в даль. Видел то, чего не видят живущие в долине. Но многого не мог рассмотреть ясно: мешала дымка расстояния, туманы. Далекая мечта ослепляла пламенем. Он не мог рассмотреть ясно ее очертаний, измерить расстояние, которое его отделяло от нее во времени.

Он ошибся, как ошибается каждый в горах, когда думает, что снежная вершина, находящаяся за десятки верст, – совсем близко, вот тут, стоит пройти четверть часа и достигнешь подножия. Так и брат мой думал, что вселенская церковь близко, что исполнились сроки, что надо только соединить, слить воедино все существующие вероисповедания. Поэтому его переход в католичество не был оскорбителен для православия. Это не была измена или увлечение¹¹. Здесь не было мены одного на другое, предпочтения одного другому. Это был подвиг человека, глубоко страдающего от разлуки мечты с жизнью.

Томясь одиночеством, сгорая нетерпеливой жаждой единения, перешел он в католичество, остался православным, умирая, молился за евреев¹² и до последнего мгновения был «верен сладостной мечте»¹³. Вера моего брата была такая подлинная, такая огненная, что переходила в знание. Поэтому много людей зажигало, зажигает и будет зажигать свои светильники от его лампы.

Я знаю, что брат мой в жизни ошибся, но знаю, что не ошибся в самой последней, самой далекой, но самой светлой и торжественной мечте своей. Одинок он был в жизни, но в этой мечте – не был одинок. Именно в ней он был истинным сыном своего народа. Последняя, высшая мечта русского народа – это вселенская церковь. Не уния, не соединение, слияние того, что есть и что временно, но возникновение новой церкви, вечного христианства с Небесным Самодержцем по главе.

¹¹ Далее несколько слов густо зачеркнуты и не прочитываются.

¹² Об этом пишет, например, С.Н. Трубецкой: «Раз он сказал моей жене: “Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться”, – и стал громко читать псалом по-еврейски. Те, кто знал Владимира Сергеевича и его глубокую любовь к еврейскому народу, поймут, что эти слова не были бредом» (Трубецкой С.Н. Смерть Соловьева. С. 412).

¹³ Цитата из стих. А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829 г.).

Для русского народа главное, чтобы человек был одарен религиозным чувством вообще. Если есть у него бранное слово: «нехристь», то высшее свое осуждение народ выражает словами: «Бога в тебе нет».

В низших слоях жизни народ может быть нетерпим, может устраивать погромы и совершать зверства, но в высших слоях жизни он живет мечтою о далеком, но возможном вселенском единении.

Есть у народа одна пословица и одна легенда. Пословица говорит: «Жид, лях и собака – вера однака»¹⁴. А легенда рассказывает, как собрались умершие люди всех существующих на земле вероисповеданий у райских врат. Апостол Петр с ключами не пускает их в рай. Каждому говорит: «подожди». Они ждут и томятся. Тогда первый заговорил еврей: «Братья, тяжело нам проводить эти долгие минуты в молчании. Разве не все мы дети Единого Бога? Восхвалим же вместе Его святое Имя». Все запели молитву, а Петр апостол сказал: «Ну, давно бы так. Идите все в рай»¹⁵.

Пословица сложилась в минуту обостренной злобы и нетерпимости. Легенда – в час просветления мечтой. Пословица – православная, временная, легенда – христианская, вечная. Пословица исчезнет, легенда останется вовеки.

Кто первый осуществит мечту, кто первый призовет всех людей ко всеобщей молитве? Не знаю. И не хочу говорить о миссии русского народа. Но знаю, что от временного православия надо идти к вечному вселенскому христианству. И повторяя стихи моего брата, мне хочется изменить их и прочесть так:

«И до полуночи неробкими шагами
Все будем *мы* идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Нас всех дождетс^я *наш* заветный храм»¹⁶.

Список литературы

1. Мережковский Д.С. Два отречения // Русское слово. 1912. 20 дек. № 293.
2. Ермичѳ А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 326 с.
3. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. 208 с.

¹⁴ Речение относится к эпохе гайдамацкого бунта на Правобережной Украине в середине XVIII в., приводится С.М. Соловьевым в главе 4 исторического труда «История падения Польши» (впервые опубли.: 1863 г.) (см.: Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. XVI: Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 455–456 [8]).

¹⁵ Источник цитируемого текста не выявлен.

¹⁶ Цитируется с изменениями последняя строфа стихотворения В.С. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1886 г.). Слова, выделенные курсивом, в рукописи подчеркнуты волнистой линией.

4. Колеров М.А. П.Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник: 2012–2014 / под ред. М.А. Колерова. М.: Издатель Модест Колеров, 2015. С. 191–375.

5. Василенко Л. Вл. Соловьёв: православный или католик? // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 133–145.

6. Трубецкой С.Н. Смерть Соловьёва. 31 июля 1900 г. // Вестник Европы. 1900. Т. V. Сентябрь. С. 412–420.

7. Колосов Н., свящ. Об исповедании В.С. Соловьёва // Письма В.С. Соловьёва Т. III / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1911. С. 215–217. (Собр. соч. В.С. Соловьёва. Письма и Приложение. Фототипич. изд. Bruxelles: Изд. «Жизнь с Богом», 1970).

8. Соловьёв С.М. История падения Польши // Соловьёв С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. XVI: Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. 744 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, S.M. Istoriya padeniya Pol'shi [History of Poland's fall], in Solov'ev, S.M. *Sochineniya v 18 kn., kn. XVI: Raboty raznykh let* [Works in 18 books, book XVI: Works of different years]. Moscow: Mysl', 1995. 744 p.

Individual works

2. Kolosov, N., svyashch. Ob ispovedanii V.S. Solov'eva [About the confession of V.S. Solovyov], in *Pis'ma V.S. Solov'eva, t. III* [Letters by V.S. Solovyov, vol. III]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1911, pp. 215–217. (Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva. Pis'ma i Prilozhenie. Fototipichnoe izdanie Bruxelles: Izdanie «Zhizn' s Bogom», 1970).

3. Merezhkovskiy, D.S. Dva otrecheniya [Two renunciations], in *Russkoe slovo*, 1912, 20 dec., no. 293.

4. Merezhkovskiy, D.S. *Ne mir, no mech. K budushchey kritike khristianstva* [Not Peace, but a Sword. Towards a Future Critique of Christianity]. Saint-Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova, 1908. 208 p.

5. Trubetskoy, S.N. Smert' Solov'eva. 31 iyulya 1900 g. [Solovyov's Death. July 31, 1900], in *Vestnik Evropy*, 1900, vol. V, pp. 412–420.

(Articles from Scientific Journals)

6. Vasilenko, L. Vl. Solov'ev: pravoslavnyy ili katolik? [Vl. Solovyov: Orthodox or Catholic?], in *Vestnik RKhD*, 2000, no. 181, pp. 133–145.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Kolerov, M.A. P.B. Struve v russkom ideyno-politicheskom i literaturnom protsesse: novaya biografiya [P.V. Struve in the Russian ideological-political and literary process: a new biography], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik: 2012–2014* [Studies on the History of Russian Thought: Yearbook: 2012–2014.]. Moscow: Izdatel' Modest Kolerov, 2015, pp. 191–375.

(Monographs)

8. Ermichev, A.A. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Khronika zasedaniy* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (1907–1917): Chronicle of meetings]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 326 p.